

Накануне гитлеровской агрессии

К вопросу о «Большой игре»

Сергей Рыбаков

Тема нападения гитлеровской Германии на Советский Союз до сих пор несёт на себе отпечаток неоднозначности и полемичности. Многие авторы объективно анализировали мотивы поведения германских, советских, британских политических верхов в канун войны. В то же время эту тему не обошли стороной и различные мифы, в одних случаях отразившие вольные или невольные заблуждения их распространителей, в других – ставшие плодами умозрительных, надуманных схем.

Уинстон Черчилль о предпосылках Второй мировой

Владимир Литвиненко в своей статье «„Странная война“ на Западе 1939–1940 гг.: военная катастрофа или ход в „Большой игре“?», опубликованной в мартовском номере «Обозреватель–Observer», увязал гитлеровскую агрессию против СССР с некоей «Большой игрой» британского истеблишмента, озабоченного сохранением своих колониальных позиций в Азии. Направление авторской мысли понятно и особых

возражений не вызывает. Однако связь британских геополитических «Игр» с нападением гитлеровцев на нашу страну В. Литвиненко до конца так и не прояснил, зато пришёл к выводу о том, что Вторая мировая война была однолинейно и жёстко «запрограммирована» всем ходом событий, начиная с заключения Версальского договора¹.

Связь Версальских соглашений со скатыванием Европы к новой войне не-

РЫБАКОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). *E-mail:* istoric-ek@mail.ru

Ключевые слова: Версальский мир, реваншизм, нацизм, политика умиротворения, Мюнхенский договор, пакт о ненападении, разведка, агрессия, внезапность, дезинформация, мифы, версии, факты.

сомненна. Однако эта связь не была такой прямолинейной, какой её рисует В. Литвиненко. Версаль не «запрограммировал» Вторую мировую войну, а лишь создал весомую предпосылку к ней, и Гитлер марионеткой лондонских политиков с их «Большими играми», конечно же, не был. По максимуму используя любые внешнеполитические возможности для наращивания германской экспансии, Гитлер вёл свою «Большую игру», так же как Сталин, Рузвельт и другие участники тогдашней геополитической сцены. Само выражение «Большая игра» входило в лексикон тогдашних политиков. Так, 21 июня 1941 года, то есть в самый канун гитлеровской агрессии против СССР, нарком иностранных дел СССР В. Молотов на просьбу главы Коминтерна Г. Димитрова прояснить сложившуюся международную обстановку ответил: «Положение неясно. Ведётся „Большая игра“. Не всё зависит от нас»².

История – это живое творчество конкретных людей, и в ней нет фатально предопределённых и независимых от воли людей сценариев. Утверждение о том, что Вторая мировая война была неизбежна, означает, что все, от кого хоть в какой-то мере зависел ход событий, хотели этой войны и добивались её развязывания. Это, разумеется, не так.

Очевидно, что руководство, например, Советского Союза, занятое развёрнутым хозяйственным строительством, вовсе не стремилось вязаться во всемирную бойню. Да и британская элита, выстраивая модели своей «Большой игры», на самом деле вела себя далеко не так однозначно, как представил В. Литвиненко.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к свидетельствам тако-го политического тяжеловеса, как Уинстон Черчилль, в годы войны британ-

ский премьер-министр, после войны написал многотомное сочинение «Вторая мировая война», получившее широкую известность среди историков.

Сэр Уинстон признаёт, что отправной точкой в цепи предпосылок Второй мировой войны стали итоги Первой мировой. Для стран-победителей и стран проигравших плоды титанических затрат оказались полярно разными. В Германии, которая «почти в одиночку воевала чуть ли не с целым миром и едва не победила»³, итоги кровавого периода расценивались как национальная катастрофа. Немцы не собирались с нею мириться и как только победители продиктовали условия послевоенного мира, в Германии сразу возникли реваншистские настроения.

Эйфория по случаю победы над грозным соперником помешала Англии, Франции и США своевременно и правильно отреагировать на опасность германского реваншизма, быстро набиравшего силу. Более того, немалая часть английского и американского истеблишмента открыто потворствовала реваншистскому движению в Германии. Черчилль такое потворство назвал «неблагоразумием, легкомыслием и добродушием»³, при этом дипломатично умолчал о том, что за «добродушием» Лондона и Вашингтона скрывалось стремление превратить Германию в жёсткий противовес «красной угрозе», а точнее Советскому Союзу.

В реалиях существование «красной угрозы», да и то призрачное, было до XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.). В тот период среди руководителей СССР была популярна риторика о «мировой коммунистической революции», которая никак не могла нравиться лидерам западного мира, как не мог нравиться и Коминтерн. Главой Коминтерна был Г. Зиновьев, любивший составлять разные воззвания к «рабочим

всего мира» и без устали предрекавший и пророчивший: «Международный пролетариат одержит решающую победу, по крайней мере, в двух-трёх странах», «Маршрут пролетарской революции, как он наметился, идёт из России через Германию», «Во Франции скоро начнутся настоящие революционные битвы», «Когда революционизируется значительная часть английского рабочего класса, тогда победит пролетарская революция в Англии и во всей Европе»⁴. По представлениям Зиновьева, все эти шаманские заклинания должны были олицетворять «научное предвидение».

В ноябре 1926 г. VII пленум ИККИ снял Зиновьева с должности главы Коминтерна. XV съезд ВКП(б) провозгласил стратегический курс на «строительство социализма в одной стране», исключив из партии Зиновьева, Троцкого и других сторонников «мировой революции». Руководство СССР основные усилия теперь направляло на решение внутренних проблем. В этих условиях Коминтерн превращался в «филиал» кремлёвского правительства, в придаточный инструмент внешней политики СССР.

Новый поворот в политике Коминтерна произошёл после прихода Гитлера к власти. Состоявшийся летом 1935 г. VII конгресс Коминтерна утвердил тактику «народного фронта», направленную на «развёртывание массовой борьбы против фашизма»⁵ и предполагавшую союз коммунистов не только с социал-демократическими, но и с буржуазно-демократическими партиями. Теперь Коминтерн мало напоминал ту организацию, которую создавали Троцкий и Зиновьев. К концу 30-х годов выражение «мировая революция» окончательно ушло из лексики официальной советской пропаганды.

Происшедшая в Советском Союзе смена стратегического курса оставалась почти не замеченной западной политической элитой, особенно британской.

Возглавлявшие во второй половине 30-х годов правительство Великобритании консерваторы Стэнли Болдуин и Невилл Чемберлен продолжали действовать по инерции, как если бы Коминтерн по-прежнему угрожал из Москвы Европе «экспортом революции». Они хорошо знали, что Германия, несмотря на внутренние проблемы и противоречия, так и не отказалась от территориальных притязаний на Востоке, поэтому видели в ней некий инструмент, удобный для противодействия «красной угрозе».

От такого взгляда на вещи официальный Лондон не смог отказаться, даже когда к власти в Германии пришёл Гитлер. Исходя из своих упрощённых представлений о международной обстановке, Чемберлен стал проводить политику «умиротворения» гитлеровской Германии.

Уинстон Черчилль в своей книге относительно объективно разъяснил, что подходы британского истеблишмента к проблемам послевоенной Германии изначально не были продуманы и плохо подчинялись строгой логике. Уже при заключении Версальского договора английские дипломаты пренебрегли интересами Франции. При обсуждении условий мира французский маршал Фердинанд Фош потребовал отодвинуть франко-германскую границу до Рейна. Англичане это требование проигнорировали, и территориальное сокращение Германии свелось к минимуму. После подписания мирного договора Фош проницательно заметил: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет»³.

Официальный Лондон после Версаля вёл себя крайне непоследовательно,

в одних вопросах делая поблажки Германии, в других чрезмерно ущемляя её права. Черчилль подверг критике статью Версальского договора, касавшиеся выплат немцами репараций, как «злобные, глупые и бессмысленные». Налагаемые на Германию репарации были для неё неподъёмными, и она могла выплачивать их только за счёт американских и частично английских займов. При этом народ Германии, ничего не зная об этих займах, был убеждён, что Антанта грабит его, озлоблялся и наполнялся новой враждой к ней. Никаких хитроумных расчётов в политике англосаксов Черчилль не усмотрел, назвав её «идиотской путаницей»³.

Веймарская система не давала немцам ничего привлекательного, казалась «наполненной пустотой, и через некоторое время в эту пустоту вступил неукротимый маньяк, выразитель самых злобных чувств, когда-либо разьедавших человеческое сердце, – ефрейтор Шикльгрубер»³.

Англо-американские политики не сумели вовремя увидеть, как зловеща

эта фигура. Более того, англосаксы поспорились с французами, когда те попытались силой заставить Германию выполнять условия Версальского договора. Англичане, уверенные, что прочно держат внешнеполитическую инициативу в своих руках, затеяли сомнительную комбинацию с целью военного ослабления Франции и «стали усиленно проявлять свою симпатию к Германии и даже восхищение ею»³.

В ход мировых событий вмешался такой не предвиденный англосаксами фактор, как финансово-экономический кризис. К концу 20-х годов Америка была охвачена «настоящей оргией финансовых спекуляций»³. В 1929 г. пузырь раздутых кредитов лопнул, экономика США начала разваливаться. Кризис быстро перебросился в Европу, где его встретили по-разному: в Лондоне заговорили о необходимости экономии на военных расходах, а в Берлине, наоборот, резко усилили внимание к военному производству, в развитии которого видели надёжное средство в борьбе против безработицы.

«Никто не уступит нам земель добровольно...»

В 1933 г. на волне реваншизма к власти в Германии пришел лидер нацистов Гитлер. В это время английское правительство вело нескончаемые разговоры о благотворности всеобщего разоружения, а необъяснимо страннный «план Макдональда» был нацелен на выравнивание численности двух армий: французской – за счёт сокращения, и германской – за счёт увеличения. На этом фоне у Гитлера появлялись определённые основания считать западных политиков «вырождающимися глупцами». Он стал уверять соотечественников, что «версальские цепи будут скоро сброшены, и немцы вернуть себе честь»³.

В Германии началась скрытая от глаз остального мира деятельность по восстановлению военного потенциала страны.

Шло постоянное увеличение численности рейхсвера сверх нормы, прописанной в тексте Версальского договора.

Генштаб взял под свой контроль гражданскую авиацию, развивая её в соответствии с военными нуждами.

Нелегально строились подводные лодки. Разрабатывалось новейшее оружие. Заводы, построенные на американские займы, по словам Черчилля, «с самого начала предназначались для скорейшего перевода на военное производство».

Черчилль был убеждён, что «по крайней мере, до 1934 г. перевооружение Германии можно было предотвратить, не жертвуя ни одной человеческой жизнью»³.

Но тогдашние верхи англосаксонского мира ничего не сделали для такого предотвращения, продолжив негласное поощрение милитаризации Германии уже после того, как она оказалась под властью Гитлера.

А ведь на Западе не могли не знать, кто такой Гитлер. Его книга «Майн кампф», вызвавшая немалый резонанс в Германии, проповедовала мировое господство германской расы. Гитлер призвал немцев готовиться к решающим боям за торжество этой идеи. Агрессивный характер гитлеризма был очевиден.

Что же тогда примиряло западных демократов с Гитлером? Судя по всему, его открытая враждебность к России.

В «*Mein Kampf*» Гитлер провозглашал, что расширение «жизненного пространства Германии» возможно только лишь за счёт земель на востоке:

«Приобретение новых земель и переселение туда излишков населения имеет бесконечно много преимуществ <...> Новые земли приходится теперь искать почти исключительно в Европе. Надо сказать себе спокойно и хладнокровно, что боги на небесах, уж конечно, не имели намерения во что бы то ни стало обеспечить одному народу в пятьдесят раз больше земли, нежели имеет другой народ.

<...> Конечно, никто не уступит нам земель добровольно. Тогда вступает в силу право на самосохранение нашей нации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чего нельзя взять добром, то приходится взять силою кулака. <...> Новые земли мы могли бы получить в общем и целом только за счёт России.

Мы должны двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации»⁶.

В Европе и Америке опус нацистского вождя, конечно же, был известен. Черчилль, пожалуй, несколько лукавил, говоря, что англосаксы, «поглощённые своими собственными заботами, поч-

ти не обратили внимания на постепенное превращение Адольфа Гитлера в фигуру национального масштаба»³.

Уже весной 1935 г. Гитлер бросил вызов мировому сообществу, во всеулышание объявив о существовании в Германии военной авиации и о введении всеобщей воинской повинности. Западные политики проявили первое беспокойство, а французское правительство даже подписало договор о военном сотрудничестве с Советским Союзом, что ещё в 20-е годы казалось невозможным.

Контакты с Москвой отцы западных демократий рассматривали как средство морального давления на Гитлера, но на него их анемичные дипломатические манёвры большого впечатления не производили. Не видя эффективного сопротивления своим планам и действиям, убедив своё окружение, что «вырождающиеся демократии ограничатся только болтовнёй», он становился всё более наглым и решительным, каждый раз добиваясь того, чего хотел. Сначала фюрер приказал ввести войска в демилитаризованную Рейнскую область, затем отправил армейские подразделения на подавление республиканцев в Испании, а после этого оккупировал Австрию.

Англичане и французы, наблюдая за дерзким поведением Гитлера, почти бездействовали. Реальные практические шаги для пресечения германской экспансии предлагал Советский Союз, но в Лондоне и Париже их не приняли.

Апофеозом попустительства гитлеровской дерзости стала мюнхенская сделка, обвалившая систему коллективной безопасности в Европе и ставшая спусковым крючком Второй мировой войны. Гитлер уговорил Чемберлена и Даладье, представлявших Англию и Францию, сдать ему их союзницу Чехословакию. Захват вермахтом

Чехословакии стал последней ступенью перед мировой войной. Предательство Западом Чехословакии усиливало тем, что он проигнорировал советские предложения по её совместной защите.

Черчилль писал: «Мы к этим предложениям отнеслись с презрением, которое запомнилось Сталину, а впоследствии дорого поплатились за это»³.

Сэр Уинстон расценил Мюнхенский договор как «катастрофу», безоговорочно осудив правительства Англии и Франции за его подписание.

Тогдашний британский премьер-министр Чемберлен объяснял англичанам, что дал Гитлеру согласие на захват Австрии и Чехословакии, чтобы избежать войны, «умиротворить» нацистского вождя и тем «консолидировать европейский мир».

Газета «Известия» по поводу этой «консолидации» писала: «Официальные круги Англии и Франции пытаются сейчас бурным ликованием по поводу достигнутого „мирового успеха“ замаскировать подлинный характер мюнхенской сделки. Однако иллюзии проходят, а факты остаются. Останется очевидным, что капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по видимости отдалив войну, в действительности её приближает в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях»⁷.

Прошло совсем немного времени после мюнхенской сделки, и все в Европе стали понимать, что она оказалась явным провалом французской и английской дипломатии.

В октябре 1938 г. полпред СССР во Франции Я. З. Суриц писал наркому иностранных дел М. М. Литвинову: «О том, что Франции в Мюнхене было нанесено страшнейшее поражение, сейчас отдаёт себе отчёт любой француз»⁸.

Действительно, ещё не улеглась эйфория после происшедшей якобы «консолидации Европы», как все увидели,

что Германия при помощи Англии и Франции увеличила своё население больше чем на 3 млн, увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс кв. км, получила, по сути, в подарок ряд высококлассных производств и немалые минерально-сырьевые ресурсы, без единого выстрела захватила важнейшие укрепления, построенные в Чехословакии для того, чтобы сдерживать германскую экспансию.

Одновременно с этим Англия и Франция лишились в лице Чехословакии наиболее верного союзника в Центральной Европе, способного в случае войны выставить армию численностью до 1,5 млн чел. Трусливой и демагогической политикой Лондон и Париж уронили свой авторитет в мире, оттолкнули от себя Советский Союз и других потенциальных союзников.

Во Франции крах затеи «умиротворить» Гитлера за счёт Чехословакии осознали быстрее, чем в Англии, где Чемберлен с упоением играл роль «триумфатора». Его иллюзии связывались с уверенностью в «честном партнёрстве» Гитлера.

В октябре 1938 г. германский посол в Англии фон Дирксен докладывал в Берлин: «Чемберлен питает полное доверие к фюреру. <...> Мюнхенский протокол создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между двумя странами рассматривается Чемберленом и английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики на длительное время, поскольку самым эффективным образом может обеспечить мир во всём мире»⁸.

Но не столько о «мире во всём мире» пеклись Чемберлен и Даладьё, сколько о том, чтобы направить гитлеровскую экспансию на восток. Именно так их маневры расценила советская дипломатия.

Суриц писал из Франции в Москву: «За счёт каких третьих стран можно ещё делать уступки Германии? В том, что теперешние властите-

ли Франции вкупе с их английскими коллегами не прочь были бы разрешить все спорные и „проклятые“ вопросы за счёт СССР, нет сомнения»⁸.

Основания для таких суждений у советского НКВД были. В Москве знали о ведущихся в западных столицах разговорах о том, что «для демократических государств было бы желательно, чтобы на востоке дело дошло до войны между Германским рейхом и Россией»⁸.

Инфантильные иллюзии Чемберлена и Даладье в отношении «честного партнёрства» со стороны Гитлера развеялись, когда их «партнёр» инициировал в Германии еврейские погромы, показав миру свою подлинную сущность. В США, Англии, Франции поднялась буря протестов против погромов, и, как отмечали советские дипломаты, «пресса прекратила проявлять нежность в отношении Чемберлена»⁸.

Советско-германский пакт о ненападении

Говоря о предпосылках Второй мировой войны, нельзя не обратить внимания и на безрассудное поведение правителей тогдашней Польши, вслед за Гитлером пославших войска в Чехословакию для оккупации части её территории – Тешина.

Черчилль писал: «Из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со своими друзьями во Франции и Англии. Пока на них падает отблеск могущества Германии, поляки спешат захватить свою долю при разграблении Чехословакии.

<...> Всегда существовало две Польши: одна из них боролась за правду, другая пресмыкалась в подлости: храбрыми слишком часто руководили гнусные»³.

Вскоре Польша поплатилась за своё поведение, став очередным объектом гитлеровской агрессии. Польско-германский конфликт вокруг Данцигского коридора сделал нападение Герма-

Британский премьер почувствовал, как с него осыпаются лавры триумфатора.

Вскоре Чемберлен и Даладье пережили шок: Гитлер захватил Чехию, а Словакию превратил в германский протекторат. Об этом они с ним в Мюнхене не договаривались. Гитлер же сделал вид, что мюнхенский сговор означает не что иное, как их согласие на «преобладание немецкой воли в тех районах, где ни Лондон, ни Париж не имеют возможности эффективного вмешательства»⁸.

К марту 1939 г. Чемберлен являл собой напуганного и морально раздавленного человека. Он, по сообщению советского полпреда в Англии, «грубо ругал Гитлера и подчёркивал наличие тесного контакта с СССР»⁸. Но теперь его фразы о «мире во всём мире» звучали как беспомощный лепет. Европа быстро скатывалась к войне.

нии на Польшу неотвратимым. Вконец растерянный Чемберлен ещё продолжал тешить себя иллюзиями. В разговоре с Ллойдом Джорджем он высказал надежду, что ни Гитлер, ни германский генштаб «не пойдут на войну, если будут знать, что им придётся драться одновременно на двух фронтах – Западном и Восточном». Под «Восточным фронтом» английский премьер имел в виду Польшу.

Как свидетельствует дипломатический документ, Ллойд Джордж, старый политический «зубр», в ответ на это «расхохотался, стал издеваться над Чемберленом и доказывать, что Польша не имеет ни сколько-нибудь приличной авиации, ни достаточной механизации армии, что вооружение польских сил более чем посредственно, что Польша экономически и политически слаба, что никакого „Восточного фронта“ без активной помощи СССР быть не может»⁸.

Действительно, единственным способом избежать германской агрессии против поляков являлось создание коалиции с участием Польши, Англии, Франции и СССР. Все компетентные французские и английские политики ясно понимали, что без СССР эффективная помощь Польше невозможна.

В Москве были организованы переговоры военных делегаций Англии, Франции и Советского Союза. Одним из условий подписания совместного договора должно было стать согласие поляков пропустить части Красной армии через свою территорию для боевых действий против вермахта, но польская верхушка отказалась пойти на такой шаг, сорвав переговоры между СССР, Англией и Францией. Таким образом, русофобия и антисоветизм польских панов стали одной из предпосылок Второй мировой войны.

Над Польшей сгустились военные тучи, а представители польского МИД в это время распинались перед германскими журналистами: «Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне. Она и сегодня защищает эту точку зрения»⁸.

В Кремле об этой высокомерной «точке зрения» поляков, разумеется, знали. Могла ли она как-то влиять на внешнеполитический курс СССР? Ответ, думается, очевиден.

Когда верхушка Германии, готовившая нападение на Польшу, предложила правительству СССР заключить пакт о ненападении между двумя странами, Кремль оказался перед выбором: либо подписать такой пакт, либо оставить свою страну в полной изоляции. Советское руководство выбрало то, что больше соответствовало интересам безопасности страны. 23 августа 1939 г. пакт был подписан.

Москва, конечно, была хорошо осведомлена о человеконенавистнической сущности нацистской идеологии и о захватнических планах гитлеровского режима.

Означало ли это, что Сталин должен был отвергнуть всяческие контакты с этим режимом, пойти на конфронтацию с ним?

Нужно ли было «чистоту идейных риз» ставить выше безопасности советского народа?

В сложившейся ситуации такой подход был бы не только неразумным, но и самоубийственным. У СССР появился шанс отсрочить начало войны, и воспользоваться им было насущной необходимостью. Резерв времени нужен был для перевооружения и технического переоснащения армии.

До определённого момента тема пакта с немцами не имела для Советского Союза большой остроты, поскольку общей границы с Германией у него не было. Ситуация стала ускоренно меняться по мере нарастания напряжённости в отношениях Германии и Польши, когда стало ясно: дело идёт к войне между ними, и если вермахт завоюет Польшу, то выйдет к советским границам.

1 сентября 1939 г. Германия начала войну против Польши. Польская армия сопротивлялась лишь несколько дней. Немцы быстро дошли до линии, разделявшей зоны интересов Германии и СССР, оговорённые специальным приложением к пакту о ненападении. Альтернативой вступлению Красной армии на территорию восточнее линии раздела, то есть на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, могла быть только оккупация этих земель вермахтом. 17 сентября 1939 г. население западнобелорусских и западноукраинских районов, почти 20 лет мечтавшее о воссоедине-

нии с народами Белоруссии и Украины, с радостью встречало отряды Красной армии.

Некоторые политики в Англии и Франции не преминули упрекнуть СССР в том, что он ради своей безопасности принёс Польшу в жертву. Они попытались поставить Кремлю в вину то, что Чемберлен и Даладье проделали за год до падения Польши, сдав Гитлеру Чехословакию. Были, однако, на Западе и те, кто поддержал решение советского руководства о вводе войск в Польшу. Одним из них являлся Уинстон Черчилль.

Он писал: «Советскому Союзу жизненно необходимо было отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, чтобы выиграть время и собрать силы со всех концов колоссальной империи. В умах русских калёным железом отпечатались поражения, которые терпели в 1914 г. их армии, бросившиеся наступать на немцев, ещё не закончив мобилизации. И теперь русским нужно было занять Прибалтику и часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была теперь холодно-расчётливой, то она была также и в высокой степени реалистичной»³.

Очевидно, что, идя на заключение договорённостей с Советским Союзом, берлинские политики преследовали собственные тайные цели, далёкие от миролюбия в отношениях с Москвой. Пакт нужен был им, чтобы всей мощью обрушиться на европейские страны, овладеть их ресурсами и после этого форсировать подготовку к нападению на Советский Союз. Как только вермахт нанёс поражение французам и англичанам под Дюнкерком (июнь 1940 г.), Гитлер напомнил немецким генералам об их «настоящей задаче – разделаться с большевизмом». Уже 22 июля 1940 г. Гитлер дал указание германскому генштабу разработать план наступательной операции против СССР, а 31 июля провёл совещание

с генералами, где заявил, что «весной 1941 г. с Россией должно быть покончено»⁹.

18 декабря 1940 г. Верховное командование вермахта приняло директиву № 21, вошедшую в историю как план «Барбаросса». В первых строках этого документа было зафиксировано: «Германские вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии»⁹.

Поведение нацистских верхов определяли оперативно-тактические расчёты. Ни о каком «честном партнёрстве» и тем более об «искренней дружбе» с большевиками, они не помышляли.

После нападения Германии на СССР ближайший соратник Гитлера, рейхсминистр пропаганды Геббельс отметил в своём дневнике: «Сотрудничество с Россией являлось пятном на нашей чести. Теперь оно будет смыто. Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить. А когда мы победим, кто спросит нас о методе? У нас и без того столько всего на совести, что мы просто обязаны победить, иначе будем стёрты с лица земли»¹⁰.

Подписав с Советами пакт о ненападении, гитлеровцы относились к нему как к прикрытию далеко идущих стратегических намерений и вынуждены были скрывать своё истинное отношение к Советскому Союзу.

Геббельс лишь дневнику доверял свои тайные мысли: «У фюрера нет для Москвы ничего, кроме презрения. Россия всегда будет нам чужда. Сообщество недочеловеков <...> Нам придётся изгнать эту азиатчину из Европы, загнать её в Азию, где её настоящее место. Однажды нам придётся рассчитаться с Россией»¹⁰.

Гитлер не собирался относиться к пакту о ненападении с Советским Союзом как к чему-то долговременному. Свои карты он раскрыл 22 июня 1941 г.

Отдавая приказ начать войну против СССР, фюрер заявил: «В августе 1939 года для меня было тяжёлым испытанием послать моего министра в Москву для того, чтобы что-то противопоставить английской политике, направленной против Германии. Я сделал это только в силу ответственности по отношению к германскому народу и в надежде на примирение и уменьшение жертв, которые иначе могли бы быть от нас потребованы».

Советская разведка знала всё

В российском обществе до сих пор весьма распространено представление о том, что вторжение вермахта на территорию СССР в ночь на 22 июня 1941 г. стало для всей нашей страны, в том числе – и для её руководства, полной неожиданностью. В советское время тезис о внезапности гитлеровского нападения на СССР воспринимался как аксиома.

Факты, однако, свидетельствуют о том, что гитлеровская агрессия не являлась абсолютной неожиданностью для советского руководства. Благодаря действиям разведки информация о подготовке Гитлером войны против СССР поступала вовремя и в достаточных объёмах. Наши разведчики действовали вполне профессионально, несмотря на то что отмотилизовать их на успешную работу было непросто: в 1940 г. разведку пришлось воссоздавать фактически заново. После чисток 1937–1938 гг. в строю осталось меньше половины кадровых разведчиков, что вело к разрыву многих агентурных связей и снижению эффективности нелегальной работы за рубежом.

Репрессиям были подвергнуты руководители разведки, начинавшие работу в ней ещё в годы Гражданской войны: Яков Давтян, Рубен Катанян, Соломон Могилевский, Михаил Трилиссер, Станислав Мессинг, Артур Артузов, Абрам Слуцкий, Ян Берзин, Сергей Шпигельглас, Зельман Пассов, Семён Гендин, Семён Урицкий.

<...> Наконец-то настал час, когда необходимо выступить против комплота еврейско-англосаксонских подстрекателей к войне и еврейских властителей московского большевистского центра.

<...> В данный момент совершается поход, который по масштабу является величайшим из всего, что видел до сих пор мир»¹¹.

Чистка в спецслужбах частично объясняется тем, что ряд сотрудников высокого ранга – Натан Рейсс, Самуил Гинзберг (известный как Вальтер Кривицкий), Александр Бармин, Лев Фельдбин (Александр Орлов), Генрих Люшков, Александр Успенский – стали в 30-е годы перебежчиками и выдали секретную информацию. Некоторые из них не скрывали симпатий к высланному из СССР Л. Троцкому, рьяному противнику сталинского окружения, а Сталину хотелось нейтрализовать всех, кто хотя бы потенциально мог иметь связи с троцкистской оппозицией. Особенно он опасался профессионалов из спецслужб, владевших разведывательно-диверсионными технологиями.

При этом Сталин осознавал значимость разведки как незаменимого инструмента при принятии внешнеполитических решений. Когда вермахт оккупировал Чехословакию, Польшу, Францию, Бельгию, Голландию, Норвегию, советское руководство не могло не задаться вопросом о дальнейших планах Гитлера. Сталин распорядился пополнить спецслужбы новыми кадрами и возобновить масштабную нелегальную деятельность за рубежом, в первую очередь в Германии.

Чисток избежали такие высококлассные разведчики, как Павел Фитин, Пётр Кубаткин, Пётр Федотов, Сергей Савченко, Павел Судоплатов, Александр Коротков.

Судоплатов и Коротков вели нелегальную работу в рейхе, знали все её тонкости, успешно контролировали агентурную сеть, внедрённую в немецкие государственные органы и военные подразделения. При создании этой сети наши разведчики активно использовали идеологический фактор, договариваясь о сотрудничестве с приверженцами левых идей.

Поставщиком разведывательных кадров стал Коминтерн, из структур которого вышли такие асы-нелегалы, как Рудольф Абель, Арнольд Дейч, Шандор Радо, Рихард Зорге.

Советские разведчики находили общий язык и с противниками нацистской доктрины из числа высокопоставленных немцев и японцев.

В Токио Рихарду Зорге удалось завербовать Одзакэ Хоцуми, секретаря главы японского правительства принца Фунимаро Коноэ.

В Берлине очень ценным источником информации для нашей разведки стал агент Брайтенбах – Вилли Леман, сотрудник центрального аппарата гестапо.

Важные секреты Третьего рейха передавали также барон Рудольф фон Шелиа, занимавший высокий пост в министерстве иностранных дел Германии, и Герхард Кегель, советник по экономическим вопросам в германском посольстве в Москве.

С весны 1940 г. Главное разведывательное управление стало получать многочисленные сведения, касавшиеся германских планов подготовки к войне против СССР, создания войсковых группировок в вермахте, переброски немецких войск и военной техники к советским границам, вероятных сроков начала войны. Все эти данные ясно свидетельствовали о том, что гитлеровцы полным ходом готовят Германию к агрессии против Советского Союза.

Передаваемая разведчиками информация не пропадала даром: руководство СССР реагировало на неё мерами по укреплению обороноспособности страны. Данные разведки напрямую влияли на

военно-стратегическое планирование, осуществлявшееся наркоматом обороны и Генштабом Красной армии.

Так, 18 сентября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили правительству аналитический доклад, где было чётко сказано: «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе – против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, на востоке – против Японии. Основным, наиболее сильным противником является Германия»¹².

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, план «Барбаросса», предписывавшую закончить подготовку вермахта к нападению на СССР до 15 мая 1941 г. Уже 29 декабря Разведуправление в Москве располагало информацией об этой директиве.

К началу 1941 г. нашим разведчикам было совершенно понятно, что Гитлер готовит агрессию против СССР. По мере нарастания темпов военной подготовки вермахта нарастал и поток информации о ней. Он шёл из войсковых штабов, из полиции, из МИД Германии.

Весной 1941 г. донесения из Германии в Москву никаких сомнений по поводу нацистских планов в отношении СССР уже не оставляли. 7 мая в Центр были переданы материалы о том, что сосредоточение вермахта вошло в завершающую стадию и немцы намереваются развернуть наступление широким фронтом от Финляндии до Румынии. В конце мая ГРУ проинформировало Сталина, Ворошилова и Тимошенко о составе немецких войск, сосредоточенных против трёх военных округов – Прибалтийского, Западного и Киевского особого.

Наши разведчики точно определили масштаб развёртывания сил вермахта на советской границе. В свете этих фактов тезис о полной внезапности гитлеровской агрессии против СССР выглядит не соответствующим историческим реалиям.

Логика поведения руководства СССР в канун нападения Германии

Советское руководство не заблуждалось относительно подлинных планов Гитлера. Видя нарастание военной опасности со стороны Германии, оно усиливало линию обороны на западных границах страны, выдвигало войсковые части из внутренних районов в приграничные округа. После того как в июне 1940 г. вермахт разбил английские и французские войска под Дюнкерком и через несколько дней без боя взял Париж, Сталин ясно осознал, что война для Советского Союза уже не за горами. Неслучайно в сентябре 1940 г. были проведены ширококомандные тактические учения Красной армии во всех приграничных военных округах. Однако Кремль обязан был сделать всё, чтобы отсрочить начало войны на максимальный срок. Иная логика поведения была бы заведомо авантюрой.

Чтобы это понять, нужно дать точный ответ на вопрос: реально ли было завершить проводимые тогда мобилизационные мероприятия до 22 июня 1941 г.? Очевидно, что организационные возможности страны были обусловлены объективным состоянием экономики, и волонтаристски переступить через этот фактор было невозможно.

Здесь напрашивается ещё один вопрос: а что было бы, если бы программы модернизации оборонного комплекса не существовало вовсе?

Ещё в конце 20-х годов техническая оснащённость Красной армии была почти нулевой: на вооружении состояло всего 92 танка, не хватало артиллерийских орудий, все самолёты были устаревшими. В масштабной войне, случись она в то время, Советский Союз не имел бы никаких шансов на успех.

Реализация модернизационной программы началась с момента принятия первого пятилетнего плана, главной задачей которого было многократное повышение обороноспособности страны.

Благодаря преимуществам плановости за первую пятилетку промышленное производство удвоилось, а за вторую увеличилось ещё в 2,2 раза.

За 10 лет было построено 6 тыс. промышленных предприятий, и тем самым была создана надёжная основа для укрепления обороноспособности страны.

В 30-е годы прирост продукции ВПК составлял сотни процентов.

В третьей пятилетке шло дальнейшее наращивание промышленного потенциала СССР.

С 1939 г. по июнь 1941 г. объём производства составил 86 % от плановых показателей, привязанных к концу 1942 г., было запущено 2900 новых промышленных предприятий, доля оборонных расходов в бюджете поднялась с 26 до 43 %.

Важнейшее стратегическое значение имело промышленное строительство на востоке страны. Кроме новых производств там строились предприятия, дублировавшие заводы, действовавшие на западе СССР. Как показали уже первые месяцы войны, дублирование производств на востоке оказалось нужным и исключительно своевременным.

В 1940 г. были существенно увеличены капиталовложения в военное производство, что позволило более чем на треть поднять объём оборонной продукции.

Вырос численный состав армии и флота.

Для увеличения численности офицеров было создано 42 новых военных училища. Были пересмотрены дела свыше 11 тыс. незаконно репрессированных военных специалистов, которых вернули в армейские ряды.

25 июня 1940 г. Политбюро ВКП(б) приняло решение об укреплении производственной дисциплины, запретив работникам самовольно переходить с одного предприятия на другое. Кроме того, была введена семидневная рабочая неделя. Этим решением экономика страны, по сути, переводилась на военные, мобилизационные рельсы.

В сентябре 1939 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности. С этого времени по январь 1941 г. численность армии и флота возросла в 2,8 раза, достигнув 4200 тыс. военнослужащих.

В мае 1941 г. было призвано из запаса и направлено в войска западных приграничных военных округов около 800 тыс. чел.

При этом в Кремле понимали, что численное увеличение Вооружённых сил без совершенствования их качественных характеристик не имело большого смысла. Армия нужны были новые танки, самолёты, артиллеристские системы, стрелковое оружие.

По заданию правительства наши конструкторы создали такие высококлассные модели техники как знаменитый танк Т-34, передовые для того времени самолёты Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2.

Большое внимание уделялось техническому оснащению военно-морского флота, создавались военные базы на Чёрном, Балтийском и Северном морях. Мобилизационные мероприятия, проведённые правительством в предвоенные годы, дали положительные результаты. Но к июню 1941 г. они ещё не были полностью завершены.

В середине мая 1941 г. нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Красной армии Г. К. Жуков представили председателю правительства И. В. Сталину «План стратегического развёртывания вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками». Ещё через

несколько дней командующие Западного, Прибалтийского, Киевского особого и Одесского военных округов получили из наркомата обороны секретные директивы, предписывавшие развернуть живую силу и технику в укрепленных районах этих округов⁹.

Однако это развёртывание было не проведено достаточно оперативно. Оно тормозилось противоречивостью и двойственностью указаний, спускаемых округам центральным военным командованием.

Так, 10 июня 1941 г. в Военный совет Киевского особого военного округа поступила директива из Генштаба: «Начальник погранвойск НКВД УССР донёс, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепрайонов КОВО получили приказ занять предполье.

Такое действие может спровоцировать немцев на вооружённое столкновение и чревато всякими последствиями. Это распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков»⁹.

Вполне понятно, что за этой и подобными ей директивами Генштаба стояло высшее руководство во главе со Сталиным.

Сталин стремился любыми способами отодвинуть сроки начала войны, чтобы успеть завершить модернизацию вооружённых сил. Он понимал, что одинаковые сведения из поступавших сотнями донесений разведки не могут быть результатом простого совпадения, но, как человеку, свыкшемуся с ролью искушённого теоретика, ему трудно было отказаться от своих представлений о логике развёртывания исторических событий. Он надеялся на то, что война Германии с Британией рано или поздно выйдет из вялотекущего состояния и выльется в жестокую схватку между ними, а раз так, то

Гитлер не решится на такой слишком рискованный для него шаг, как нападение на СССР.

Маршал Г. Жуков писал: «Я помню слова Сталина, когда ему докладывали о подозрительных действиях германских войск: „Гитлер и его генералитет не такие дураки, чтобы воевать одновременно на два фронта, на чём немцы сломали себе шею в Первую мировую войну. У Гитлера не хватит сил, чтобы воевать одновременно на два фронта, а на авантюру он не пойдёт“»⁹.

Сталин полагал, что ему удастся удержать Советский Союз в стороне от вооружённой схватки.

Он разъяснял главе Коминтерна Георгию Димитрову: «Война идет между двумя группами капиталистических стран – бедных и богатых, в отношении колоний, сырья и т. п. За передел мира, за господство над миром. Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Было бы неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран – в осо-

бенности Англии. Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему. <...> Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»¹¹.

Но, как оказалось, реальный ход событий мало зависел от теоретических схем.

На ситуацию повлияла и уверенность генсека в том, что вторжению немцев непременно должен предшествовать ультиматум с их стороны, который даст возможность начать переговоры с ними, а значит, позволит и выиграть время для завершения в СССР мобилизационных мероприятий. Но никакого ультиматума не последовало. Советский вождь, расценивший эту данность как неслыханное вероломство со стороны немцев, высказывал своё возмущение их действиями: «Напали на нас, не предъявляя никаких претензий, не требуя никаких переговоров»¹³.

«Блеф полностью удался»

На мобилизационную готовность СССР к войне в определённой мере повлияла и проведённая спецслужбами Германии серия спланированных акций по дезориентации противника. Маскировка немцами военных приготовлений носила системный характер.

15 февраля 1941 г., спустя две недели после принятия стратегического плана по созданию Восточного фронта, начальник штаба главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель подписал распоряжение о широкой дезинформации советской стороны. Оно предписывало заняться отвлекающими маневрами на западном направлении, создать впечатление о намерении немцев наступать на Англию.

6 сентября 1940 г. штаб ОКВ передал абверу директиву «О мероприятиях по дезинформации советского военного командования», где указывалось на необходимость «маскировать общую численность немецких войск на востоке, создавать впечатление, что основное направление в наших передвижениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства», и т. п.

В другой директиве штаба ОКВ, принятой 15 сентября 1940 г., подчёркивалось: «Важно достичь того, чтобы Россия вплоть до нашей победы над Англией не подозревала о грозящей опасности и не имела бы оснований для принятия контрмер»⁹.

Особую ставку при маскировке своих агрессивных намерений нацистская верхушка сделала на внешнеполитическое ведомство, ставя ему задачу тонкой дипломатической

игрой отвлечь внимание Кремля от истинных намерений Берлина. Этой игрой занялся сам министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп.

В октябре 1940 г. он написал Сталину письмо с уверениями в дружеских чувствах: «Я думаю, что решимость достичь соглашения между нашими странами возникла благодаря сознанию, что жизненные пространства наших народов соприкасаются без необходимости сталкиваться <...>

Я убеждён, что последовательное продолжение добрососедской политики и дальнейшее углубление политического и экономического сотрудничества также и в будущем будут иметь благотворные последствия для обоих великих народов».

Риббентроп уверял советского вождя в том, что военный союз Германии с Италией и Японией никоим образом не направлен против СССР, с пафосом расписывал долгосрочные геополитические перспективы: «Историческая задача четырёх держав в лице Советского Союза, Италии, Японии и Германии состоит в том, чтобы устроить свою политику на долгий срок и путём разграничения интересов в масштабе столетий направить будущее развитие своих народов на правильные пути»⁹.

Стремясь усилить дезориентацию советских руководителей, гитлеровское окружение пригласило в Берлин главу советского правительства и наркома иностранных дел СССР В. Молотова. 12 ноября 1940 г. Молотов прибыл в германскую столицу, где провёл переговоры с Риббентропом и с Гитлером.

Фюрер на этих переговорах вылил на председателя совнаркома реку демагогии, соблазняя его британскими колониями: «Когда огромная империя в 40 миллионов квадратных км разрушится, останется „конкурсная масса“, и она сможет удовлетворить всех, кто имеет потребность в свободном выходе к океану.

<...> Великое азиатское пространство нужно разделить на восточноазиатское и центральноазиатское. Последнее распространяется на юг, обеспечивая выход в открытый океан, и рассматривается Германией как сфера интересов России»⁹.

На Молотова беседа с Гитлером, видимо, произвела впечатление, поскольку он сообщил Сталину в телеграмме: «Налицо большой интерес Гитлера к тому, чтобы укрепить дружбу с СССР и договориться о сферах влияния»⁹. В тот момент он, конечно, не мог знать, что именно в то время, когда он пребывал в Берлине, Гитлер подписал директиву № 18, давшую старт подготовке наступательной операции против Советского Союза.

К маскировочным маневрам активно подключились и германские средства информации. Рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс записал в дневнике, что ставит своему ведомству задачу «всячески дезинформировать Советы, применяя сильные средства для обмана».

18 июня 1941 г. он записал: «Маскировка в отношении России достигла кульминации. Мы наполнили мир потоком слухов, так что самому трудно разобраться. Наш новейший трюк: мы намечаем большую мирную конференцию с участием России»¹⁰.

Наиболее яркой иллюстрацией того, что орудием подготовки нацистов к войне против СССР была наглая ложь, является письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 г.*

Гитлер, который только что дал штабу ОКВ установку: «для России наш удар должен оказаться максимально внезапным», решив дезинформировать Сталина, он писал: «Я окончательно пришел к выводу, что невозможно

* Копия этого письма в массе других документов после войны была вывезена американцами и долгое время находилась в одном из архивов в штате Вирджиния. В России это письмо было опубликовано известным и очень авторитетным историком Анатолием Уткиным, являвшимся директором Центра международных исследований Института США и Канады РАН.

достичь долговременного мира в Европе без окончательного крушения Англии. Как Вы хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели. <...> Оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан убедили меня в том, что нет выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

<...> Чтобы организовать войска вдали от английских глаз, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза. Вероятно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами. Хочу заверить Вас и даю слово чести, что это неправда.

Ввиду значительной концентрации войск случайные эпизоды военных столкновений могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым. Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца.

Начиная примерно с 15–20 июня, я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Я прошу не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы. Ожидаю встречи в июле. Искренне Ваш, Адольф Гитлер»¹⁴.

Меры гитлеровцев по дезинформации советского руководства достигли определённого эффекта, отразившегося, в частности, в докладе начальника Разведуправления Ф. Голикова, подготовленном в марте 1941 г. для политического и военного руководства страны. В этом докладе приводились многочисленные и вполне конкретные

данные об ускоренных приготовлениях Германии к войне.

К примеру, говорилось: «<...> Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Ленинграда, 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедта – в направлении Москвы, 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева.

<...> Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге „Моя борьба“, и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим ему возможность решить задачу переустройства Европы.

<...> По сообщению нашего вполне авторитетного источника из Берлина, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Доклад, вопреки изложенным фактам, заканчивался так: «На основании всех приведённых выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почётного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»⁹.

Получалось, что выводы, завершающие доклад Голикова, перечёркивали все перечисленные в нём важнейшие сведения. Ясно, что начальник ГРУ не проявил должной принципиальности.

За неделю до вторжения войск вермахта на территорию СССР Геббельс ликовал: «Блеф полностью удался! Наша операция готова так, как это только вообще возможно. Собрано столько резервов, что неудача полностью исключена»¹⁰.

Истоки нечистоплотного мифа

Наряду с тезисом о полной внезапности нападения гитлеровской Германии на СССР существует, как ни парадоксально, и полярно противоположная версия, возлагающая вину за развязывание войны на Советский Союз. Эта версия разошлась с подачи небезызвестного интерпретатора военной истории Виктора Суворова-Резуна, попытавшегося доказать, что СССР будто бы готовился, но не успел напасть на Германию, поскольку та нанесла превентивный, опережающий удар¹⁵.

Суворов-Резун ссылается на наличие в советском генштабе плана наступательных операций.

Да, такой план существовал, но он составлялся как один из оперативно-тактических вариантов наряду с планом оборонительных действий. Иначе и быть не могло: генштабисты всех стран всегда исходили из возможности разных сценариев военных действий, различных возможностей развития событий.

Некоторые доводы Суворова-Резуна просто смехотворны. Доказывая наличие у Кремля агрессивных планов, он пишет, что «в 1941 г. Красная армия оставалась единственной армией, имевшей плавающие танки», которые, пройдя испытания на «штормовом Ильмене, доказали возможность форсировать Ла-Манш» и участвовать в «войне за мировое господство, за то, чтобы всё население планеты загнать в концлагеря, казармы и трудовые армии»¹⁶.

Дело не в «танках в Ла-Манше», хотя, это, конечно, забавно, а в «мировой революции», стремление к которой Суворов-Резун приписывает Сталину и его окружению, не считаясь с тем, что после XV съезда ВКП(б) курс на «мировую революцию» к концу 30-х годов был фактически свёрнут.

Сталин не только отказался от лозунга «отмирания государства», но и заявил о себе как о наследнике русских царей, о чём свидетельствовал Георгий Димитров, законспектировавший сталинский тост на обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 г.: «Русские цари сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство. Большевики получили его в наследство. <...> Каждого, кто своими действиями покушается на единство социалистического государства, будем беспощадно уничтожать»¹³.

Эти немаловажные детали реальной истории не учитываются Суворовым-Резуном и его эпигонами В. Невежинным, И. Павловой, Б. Соколовым, принявшимися доказывать, что «Советы просто вынудили немцев прибегнуть к упреждающим мерам».

Соколов пишет: «Сталин на самом деле не сомневался в скором начале войны. Но он думал, что она начнётся внезапным и мощным ударом Красной армии, и подтягивал войска к границам, перебрасывал вплотную к западным рубежам запасы топлива, снаряжения, боеприпасов»¹⁷.

Реконструкция предвоенной ситуации, представленная этими авторами, используется для сведения многозначной и многослойной темы войны к противоборству «двух тоталитарных режимов», «двух хищников» – Сталина и Гитлера.

Суворов-Резун – не первооткрыватель версии о превентивном нападении Германии на СССР, он лишь повторил мысли, высказанные германскими интерпретаторами Второй мировой войны.

В 80-е годы «идею» о вине СССР за развязывание войны озвучил Эрнст Нольте, опубликовавший в западногерманской прессе статью, где утверждал, что в 1941 г. СССР готовился напасть на Германию, но не успел этого сделать, ибо та нанесла опережающий удар.

Этот «концепт» подхватили И. Гофман, Э. Топич, В. Мазер, В. Пост, Ш. Шайл и другие сторонники «ревизионистов» итогов Второй мировой войны.

Аргументы «ревизионистов» не отличаются убедительностью, а порой выглядят откровенно комично. К примеру, Э. Топич «доисследовался» до того, что обвинил советское руководство в преднамеренном провоцировании Гитлера, чтобы СССР мог предстать перед всем миром в качестве жертвы агрессии.

Но существеннее другое: все эти «ревизионисты» тоже не являются перво-создателями превентивной версии начала войны. Она родилась не где-нибудь, а в министерстве информации и пропаганды нацистской Германии.

Сразу после вторжения гитлеровцев на территорию СССР Геббельс выступил с заявлением о том, что «фюреру буквально в последний момент удалось опередить большевиков, уже занёсших своё оружие над фатерляндом». Эта дезинформация вбивалась в мозги немецких солдат, чтобы повысить их ненависть к «опасному врагу»¹⁰.

Сегодня развенчать геббельсовскую ложь легко: достаточно обратиться к дневникам самого же рейхсминистра, в которых он фиксировал для истории свои сокровенные мысли.

В апреле-мае 1941 г., в разгар подготовки агрессии против Советского Союза, Геббельс писал: «Русская карта уже вне игры. <...> Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом. <...> Невроз, порождённый страхом!»

Никакой угрозы со стороны Красной армии Геббельс в те дни не ждал: «Сталин учуял, что пахнет жареным, и размахивает пальмовой ветвью. Россия открыто заявляет о своём миролюбии. Это, конечно, радует»¹⁰.

Главарь рейха были уверены, что Советский Союз первым войну начать не сможет, пока не закончат технического перевооружения вооружённых сил.

В проекте плана наступательной операции против СССР, разработанном 5 августа 1940 г.

в штабе 18-й немецкой армии, говорилось: «Цель кампании – разгромить русские вооружённые силы и сделать Россию неспособной в обозримое время выступить противником Германии.

<...> Русские не окажут нам услуги своим нападением на нас. Мы должны рассчитывать на то, что русские сухопутные войска прибегнут к обороне»⁹.

В принятой 15 сентября 1940 г. стратегической разработке оперативного отдела ОКВ по подготовке кампании против СССР говорилось: «Представляется невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов <...> Русское руководство обладает столь низкой оперативностью, а использование железной дороги русским военным командованием даст столь малый эффект, что всякая переброска войск к границе будет сопряжена с большими трудностями и займёт большое время».

Будучи уверенными в невозможности сколько-нибудь результативного наступления советских войск в сторону Германии, немецкие генералы спокойно рассуждали о возможности пренебречь тем, что рано или поздно «наши агрессивные намерения обнаружат по ту сторону границы»⁹.

Геббельс, как видно из его дневников, приписывал Сталину страх перед военной машиной Третьего рейха. Даже не важно, был ли у генсека такой страх или его не было, главное в другом. Геббельс подтвердил непреложный факт: в Советском Союзе войны с Германией не хотели. Сталин воздерживался от любых действий, способных дать Гитлеру хотя бы малейший повод для демарша. Советский Союз старался выполнять все обязательства перед Германией, предусмотренные совместными договорами.

В Кремле понимали: шапками немцев не закидать, поскольку к лету 1941 г. они подчинили почти всю континентальную Европу, овладев колоссальными стратегическими ресурсами и, не испытывая активного сопротивления в оккупированных странах, могли сосредоточить против СССР все наличные силы.

Кому выгодны домыслы о войне?

На мировой геополитической сцене продолжается «Большая игра». Каждый участник этой «Игры» стремится использовать не только организационные, экономические и финансовые ресурсы, но и ресурсы моральные. Для России одним из важнейших ресурсов, обеспечивающих ей достойное место в мировом сообществе, является сбережение благодарной памяти о победе наших солдат во Второй мировой войне.

Всем россиянам должно быть понятно, что миф о равной ответственности СССР и Германии за развязывание войны имеет опасные последствия.

Что может вытекать из пересмотра итогов Второй мировой войны?

Если уравнивать СССР и гитлеровскую Германию, то окажется, что советские люди ошибались, считая войну Великой Отечественной. К тому же получится, что СССР, в отличие от англосаксонских держав, не входил в число главных борцов против нацизма, а значит, и не имел права на статус великой державы. Стало быть, не имеет такого права и Россия – правопреемница СССР.

Выяснится, что система мировых отношений, согласованная лидерами стран-победительниц в Ялте и Потсдаме, нелегитимна, включая и такой её компонент, как ООН. Вдобавок к этому будет сделан вывод, что Россия несёт ответственность за развязывание Второй мировой войны и потому должна «платить по счетам» всем, кто ей их предъявит. Нынешняя стратегия Запада направлена на ревизию итогов Второй мировой войны итогами холодной войны, в которой Советский Союз потерпел поражение.

Попытки фальсификаторов реанимировать геббельсовский миф связа-

ны со стремлением приравнять большевизм к нацизму. Да, сталинский режим был далёк от либеральных критериев, которые в ряде нынешних средств информации объявлены универсальными для всей человеческой истории. Однако это не отменяет очевидного факта: Советский Союз и гитлеровская Германия были идеологическими антагонистами, и отрицание этого факта является явным отступлением от исторической правды. Антагонистичность двух разных идеологий очевидна: одна из них базировалась на идее интернационального братства, другая – на идее расовой ненависти.

Цели участия Германии и СССР во Второй мировой войне не могли быть равнозначными и потому, что одна сторона выступила агрессором, а другая вынуждена была защищать себя. Целью нацистов было уничтожение нашей страны. Они замахивались не столько на большевизм, сколько на историческую память народов Советского Союза.

Задолго до восточного похода вермахта Геббельс записал в своём дневнике: «Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли»¹⁰.

Нацисты объявляли эти народы «неполноценными» и «второсортными». План «Ост», разработанный под руководством Гимmlера и Розенберга, содержал «квоты» по ликвидации или радикальному сокращению народов СССР, предусматривал «очищение» от местного населения Украины, Белоруссии, Прибалтики и заселение этих земель этническими немцами¹⁸. Нелепо доказывать, что советское руководство для населения Германии не планировало ничего подобного.

К реализации своих варварских замыслов гитлеровцы приступили с пер-

вых дней войны, тысячами расстрелявая мирных жителей, сжигая сёла и деревни, строя лагеря смерти. Народом Советского Союза, для того чтобы сохранить свои цивилизационные

перспективы, нужно было во что бы то ни стало победить нацизм, преодолеть обрушившееся на них вселенское зло. Другого выхода у них просто не было.

Примечания

- ¹ *Литвиненко В.* «Странная война» на Западе 1939–1940 гг.: военная катастрофа или ход в «Большой игре»? // *Обозреватель-Observer*. 2011. № 3. С. 96.
- ² 1941 год: Документы и материалы. В 2-х кн. / под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 416.
- ³ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. М., 1991. Кн. 1. С. 18–27, 32–39, 44, 63, 141, 146–147, 180.
- ⁴ *Ленин В., Зиновьев Г.* О Коминтерне: Статьи и документы. М., 1924. С. 49, 55, 58, 70–71.
- ⁵ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. док. М., 1975. С. 27.
- ⁶ *Гитлер А.* Моя борьба / пер. с нем. М., 1992. С. 34–35.
- ⁷ Политика примирения агрессора // *Известия*. 1938. 4 окт. С. 1.
- ⁸ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.). Документы и материалы / под ред. А. А. Громыко, А. Н. Грылёва, И. Н. Земскова и др. М., 1971. С. 36, 66, 72, 83, 88, 97, 250, 272, 291.
- ⁹ 1941 год: Документы и материалы. В 2-х кн. / под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 18–19, 138, 153–154, 215–217, 223, 227, 231–232, 235, 239, 305–309, 341, 369, 380–381, 452, 500, 776–780.
- ¹⁰ *Ржевская Е. М.* Геббельс: портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 211, 222, 234–235, 247–250, 259, 263–264, 267, 300, 301.
- ¹¹ Proklamation des Fuhrers an das Deutsche Volk und Note des Auswartigen Amtes an die Sowjet-Regierung nebst Anlagen // *Krieg 1939–1945*. Berlin, 1991. S. 8.
- ¹² Об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на западе и на востоке на 1940–1941 годы: Военно-оперативный план // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 1. С. 24–29.
- ¹³ *Димитров Г.* Дневник (9 марта 1933–6 февраля 1949). София, 1997. С. 128–129, 188, 240.
- ¹⁴ *Уткин А. И.* Письмо Сталину. О чём писал Адольф Гитлер советскому вождю накануне вторжения // *Российская газета*. 2008. 20 июня.
- ¹⁵ *Суворов В.* Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992. С. 1–30.
- ¹⁶ *Суворов В.* Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2001. С. 185, 193.
- ¹⁷ *Соколов Б.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск, 2000. С. 57.
- ¹⁸ «Совершенно секретно! Только для командования!»: Документы и материалы. М., 1967. С. 101.